

МАССИМО ВАККЕТТА

АНТОНЕЛЛА ТОМАЗЕЛЛИ

25 ГРАММОВ СЧАСТЬЯ

ИСТОРИЯ МАЛЕНЬКОГО ЕЖИКА,
КОТОРЫЙ ИЗМЕНИЛ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА

Животные-звезды

Массимо Ваккетта

**25 граммов счастья. История
маленького ежика, который
изменил жизнь человека**

«ЭКСМО»

2016

Ваккетта М.

25 граммов счастья. История маленького ежика, который изменил жизнь человека / М. Ваккетта — «Эксмо», 2016 — (Животные-звезды)

ISBN 978-5-04-111854-9

Эта жизнеутверждающая история о человеке и маленьком ежике докажет вам, что ни одна любовь не может быть слишком большой, и ни одно существо не может быть слишком маленьким. Итальянский ветеринар Массимо Ваккетта рассказывает о необычайной встрече, изменившей его жизнь. После болезненного развода он чувствовал себя разбитым и подавленным, пока в клинике не появился осиротевший ежонок, который весил всего 25 граммов. Борьба за его жизнь помогла ветеринару выйти из депрессии и обрести новый смысл в своей профессии. Спасая ежика Нинну, Массимо раскрывает свою яркую индивидуальность, и вскоре в его руках один за другим оказываются другие колючие малыши: люди начинают искать необычного ветеринара, чтобы исцелить и позаботиться о самых уязвимых и слабых существах, которых порой никто не замечает. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

ISBN 978-5-04-111854-9

© Ваккетта М., 2016

© Эксмо, 2016

Содержание

Введение	5
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Массимо Ваккетта, Антонелла Томазелли 25 граммов счастья. История маленького ежика, который изменил жизнь человека

Введение

На этих страницах рассказана правдивая история – история Массимо Ваккетты и его ежей. Я встретила Массимо случайно – хотя кто знает, возможно, ничего не происходит просто так – и сразу захотела написать о нем, о его ежином мире и Центре спасения ежей «Ла Нинна». Я написала статью на две страницы для еженедельного журнала «Конфиденце тра мите», с которым сотрудничаю, и она получила широкий отклик.

Затем от издательства «Сперлинг&Купфер» поступило предложение: «Можно ли написать об этом книгу?» И вот она перед вами. Массимо рассказывал мне по телефону обо всем – часами, днями, неделями и месяцами. А я слушала. Рассказывая, он ухаживал за своими ежами – разумеется, ведь у него не было столько свободного времени. Я же просто слушала,

внимательно, чтобы ничего не упустить. Даже те слова, которые он не произнес. И особенно его чувства, во всех проявлениях и оттенках, чтобы передать это читателям. Пытаясь не допустить в это невольно что-то свое. Хоть это и невозможно на сто процентов – иногда сердце, тайком, проскальзывает, и ты даже не замечаешь.

Как и он, я люблю животных с самого детства. Мои муж и сын тоже. У нас четыре собаки: Луна, Маре, Блю и Мострилла. И рыжий кот, навещающий нас каждый день. Очарованные, мы всегда встречаем его с распростертыми объятиями. Его зовут Пимки. Еще у нас пятнадцать золотых рыбок в пруду, который мы создали сами. Здесь же поселились несколько лягушек, и каждое лето воздух наполнен их кваканьем.

Мы никогда не видели ежей в нашем саду, но уверены, что по ночам они выходят побродить там.

Но вернемся к Массимо. Если каждый человек на этой планете уникален, Массимо немного больше чем просто уникальный. Я обнаружила, что между историями думаю о том, что он никогда не состарится. У него душа поэта и взгляд ребенка. Поэтому он видит прекрасное там, где остальные этого не замечают. Сентиментальный и мечтательный, он не лишен недостатков, которые не пытается скрыть. Сожаления, печали и радости, неуверенность и убежденность. Его стремление делать и отдавать безгранично, пока есть ежи, которые нуждаются в нем. Все время, пока он жив.

Антонелла Томазелли

Глава 1

Ежик, разрушивший стену

Май 2013. Весна была в самом разгаре, но она не трогала меня. Ее виды и ароматы казались блеклыми и далекими. Я чувствовал себя потерянным.

Острая потребность в переменах жгла меня изнутри. Мое желание последовать за мечтой не ослабевало. Несмотря ни на что. Несмотря на раны, которые я получил, и поражения в битвах, которые пережил.

Я смахнул волосы со лба, словно желая отмахнуться от назойливых мыслей, и открыл шкаф. Придирчиво подбирая цвета, выбрал пару брюк, светлую водолазку, пиджак, ботинки, носки. Надел хорошие часы. Посмотрел в зеркало. Все было безупречно, вплоть до мелочей. Я зашел в гостиную. Там была Грета, устроившаяся на диване. Она подняла глаза от планшета.

– Хорошо выглядишь, – довольно сказала она.

Продолжая смотреть на меня, она вдруг стала серьезной.

– Но взгляд у тебя всегда немного грустный. Даже когда ты улыбаешься, – добавила она почти шепотом.

Я вздохнул в ответ.

– Скоро вернусь, – сказал я и вышел, захватив ключи от машины.

Я медленно ехал по дороге, в то время как мои чувства и мысли сменяли друг друга и путались в голове.

Я был недоволен своей жизнью и работой. Было ощущение, будто на ощупь пробираюсь через пустую, темную комнату, не имея никаких ориентиров. Мне нужно было что-то, что могло меня взбодрить. Что вызвало бы во мне желание жить, чего мне так не хватало.

Грета подталкивала меня, считая, что так помогает. Но мне не хотелось двигаться в том направлении, которое она предлагала. Это нравилось ей, а не мне.

Закончив школу – тогда я еще не был с ней знаком – я решил стать ветеринаром. Всем вокруг, даже мне, мой выбор казался случайным. Но он таким не был. Только потом я понял, что корни этого решения уходят в мое детство. Может, я просто родился с желанием помогать животным. Кто знает?

И все же, проработав ветеринаром несколько лет, я почувствовал, что что-то было не так. Чего-то не хватало. Я ощущал гнет этой объемной пустоты, но не знал, как ее назвать.

Грета прагматично советовала: «Попробуй заняться чем-нибудь другим. Например, ты мог бы начать работать с мелкими животными. Собаками, кошками. Со всеми домашними

животными. Ты бы зарабатывал гораздо больше, ты знаешь. И тебе нужно думать о старости. О дополнительной пенсии. Или страховании жизни».

Я как будто говорил с отцом: делай это, делай то. Но я не такой и не был таким. Я полная противоположность того, кто планирует свою жизнь. Это не в моем стиле. Я не мог представить себя засевающим в клинике и снующим туда-сюда между прививками и микрочипами. Я привык к другим ситуациям, более экстремальным.

Но, следуя ее совету, я начал работать в двух небольших ветеринарных клиниках пару раз в неделю. В тот день я ехал в одну из них – должен был подменить на выходных Андреа, владельца. Когда я пришел туда, он поздоровался и начал инструктаж. Он объяснил все, что нужно было сделать, пока мы обменивались шутками о себе и о работе. Перед тем как попрощаться, Андреа показал мне коробку. Внутри было маленькое животное. Крошечное.

– Это ежонок, – сказал он.

Я с любопытством посмотрел на малютку.

– Женщина нашла его в своем саду. Он сирота, – продолжил Андреа. – Она принесла его сюда, потому что не знала, что с ним делать.

Маленькое создание все это время лежало с закрытыми глазами. Его розовая кожа еще не покрылась шерстью. Мягкие белые иголки торчали в разные стороны. Они начинались сразу за его крошечными ушами и спускались вниз по спине.

– Он родился два или три дня назад. Весит всего 25 граммов, – сказал Андреа.

– 25 граммов – совсем ничего, – заметил я.

– Да. Его нужно покормить несколько раз.

– Какое молоко лучше всего подойдет вместо материнского?

– Мне посоветовали козье. Коровье молоко не годится, потому что содержит очень много лактозы, сахара, который ежи плохо переносят. Его нужно выкармливать шприцем, по капле за раз.

– Это что-то новое!

Я взял ежонка и положил на свою ладонь, чтобы разглядеть поближе. Я застыл, рассматривая его передние лапки: своими тонкими пальчиками они походили на маленькие ручки. Меня поразило это сходство. Но, отбросив накатившую на меня сентиментальность, я предложил Андреа, улыбаясь:

– Давай сделаем несколько снимков с ним и выложим их на Фейсбук.

Мы сняли несколько селфи на свои телефоны. Я, он и ежонок. Я и ежонок. Он и ежонок. Выбрали лучшие для публикации. попрощались. И я отправился домой, где меня ждала Грета.

* * *

Следующим утром я собирался с обычной тщательностью. Надел джинсы и голубую льняную рубашку с воротником на пуговицах. Перебрал свои пиджаки и выбрал один повседневного фасона, но безупречно скроенный. Светло-бежевого цвета. Подобрал к нему лоферы. Придирчиво осмотрел себя в зеркале. Мне было важно, как я выгляжу.

Как мы договаривались, я пошел в клинику Андреа. Прежде всего, мне хотелось увидеть ежонка. Это необычное маленькое создание тронуло меня накануне.

Я открыл дверь и замер. Он плакал. Мягким, тихим писком. Как птенец. Постоянное, тихое всхлипывание с короткими паузами. Оно проникало прямо в сердце. Оно кололо. Причиняло боль. Звук плача, слабый, но душераздирающий.

Маленький ежик плачем просил о помощи.

Я подошел к коробке, наполненной древесными опилками, где он лежал. Достал малютку и положил на стол рядом.

Ежонок был холодным. Это был холод ускользающей жизни, приближающий смерть. Мне было бесконечно жаль маленького зверька.

Меня охватили чувства, которые были знакомы и одновременно новы, как будто они дремали во мне долгие годы, скрытые или запертые, и теперь освободились. Я привык к страданиям животных, построив вокруг себя стену, чтобы отстраниться от них. Эта стена рухнула при виде маленького ежика.

Я посмотрел на беспризорника другими глазами. Представил, как он стал сиротой, как его мать, отправившуюся на поиски еды, сбивает машина, придавив к асфальту. Я представил детеныша в напрасном ожидании, полного страха, вылезавшего из гнезда в поисках матери. И в какой-то момент, как гром среди ясного неба, я почувствовал его абсолютное одиночество. Узнал его. Я тоже испытывал это, когда был ребенком.

Глава 2

Одиночество на двоих

Родители моей матери играли важную роль в моем детстве. Они были фермерами. Два приятных, доброжелательных человека, с любовью относившихся ко мне.

Я часто оставался у них, особенно во время школьных каникул, потому что мои родители работали. Бабушка Катерина была простым человеком. Ее можно было читать, как открытую книгу. Она была сама доброта. Ограниченное воспитание и определенный уровень неграмотности в сочетании с менталитетом той эпохи и тех мест не подавили ее мягкости и красоты. Иногда бабушка брала меня с собой в хлев. Когда я был совсем маленьким, она сажала меня в люльку, садилась рядом со мной и вязала, рассказывая мне истории. Я слушал. И наблюдал за коровами и телятами. И за ласточками, гнездившимися там в большом количестве.

Когда я стал чуть постарше, ходил с ней в поле, пытаюсь помогать. Потом мы направлялись к деревьям на краю двора. Мы сидели на траве, в тени.

Она доставала завтрак или перекус из корзины, которую брала с собой. Мы ели, окутанные ароматом сена. Вокруг было спокойно. Иногда мы засыпали под звуки сверчков и цикад, и размеренный ритм деревни тех дней, той поры, становился нашим ритмом.

Мой дедушка был удивительным человеком. Он никогда не повышал голос, но был твердым, это проявлялось во всем. Деревенский и в высшей степени порядочный, он обладал острым умом. Никогда не терял головы, всегда сохраняя трезвый взгляд на вещи. Он был спокойным внутри и динамичным снаружи. Активным. У него была астма, и его дыхание сопровождалось постоянным хрипом. После трех шагов ему приходилось на секунду останавливаться, чтобы отдышаться. Это была огромная проблема, с которой он старался справляться. Мой отец, заикленный на медицине, всегда был рядом, чтобы подать ему ингалятор, позаботиться о нем. Он говорил: «Я продлеваю ему жизнь». Так оно и было: это очень ему помогало. В доме моих бабушки и дедушки жил также Освальдо, младший брат моей матери. Он был для меня не просто дядей, но и братом тоже. Старшим братом. В конце лета я возвращался домой с мамой и папой. Наши прощания были похожи на похороны. Бабушка плакала. Я тоже.

И все же я испытывал одиночество даже у бабушки с дедушкой. Пустоту. Мои папа и мама часто заезжали вечером повидать меня. Я ждал их. С приходом темноты я в буквальном смысле замирал, прикинув к кухонному окну.

Я взволнованно вглядывался в свет фар каждой проезжающей машины. Ждал в тишине. Я скучал по маме. Очень.

По возвращении домой осенью я снова шел в школу. Я учился в церковноприходской школе под руководством монахинь. Когда звучал звонок, все дети с визгами и смехом расхо-

дились по домам. Только я оставался. Длинными, нескончаемыми послеполуденными часами. До половины пятого или до пяти часов вечера, когда за мной приходила мама. В школе я тоже ждал ее у окна. Часы тянулись бесконечно. Я был совсем один. Часто рисовал. Сестра Франческа говорила, что у меня получалось хорошо. Каждый раз, когда она смотрела на мои рисунки, на ее лице появлялось удивление.

В хорошую погоду мне разрешали подождать в школьном дворе. Мне там нравилось. Позади двора был сад, где я катался на велосипеде. Туда-сюда. И кругами. Вперед, назад и вокруг. Иногда я останавливался, одной ногой опираясь о землю, другую оставив на педали, чтобы полюбоваться бабочкой. Или бросал велосипед и гонялся за ящерицей. Я наблюдал за муравьями и другими насекомыми, названий которых не знал. Каждый день – похожий на остальные, и каждый день я боялся, что мама не придет. Никогда.

Затем она появлялась. Я бежал ей навстречу. Она улыбалась и обнимала меня. Сажала меня на сиденье своего велосипеда и катила его, идя рядом. Так мы добирались домой и по пути обсуждали свой день. В июне учеба заканчивалась. Но родители не отправляли меня сразу к бабушке и дедушке. Я оставался в школе до ее полного закрытия на лето. Я был единственным ребенком, который оставался.

* * *

Целыми днями я катался по двору на своем велосипеде ВМХ. Вперед, назад, по кругу и мимо каштанов.

Я всегда боялся потерять ее, мою маму. Я перенял это от отца: он был ипохондрик, и почти все его разговоры сводились к болезням и смерти. Каждый день у него появлялась новая. «Уверен, что у меня рак. Я не доживу и до тридцати», – заявлял он.

Я был ребенком. Со временем я понял его проблему. Но не тогда. Я верил, что он на самом деле умрет к тридцати годам. Меня переполняла печаль. Я постоянно чувствовал его тревоги. Они становились моими, и я проецировал их на свою мать. А еще папа с мамой не ладили. Они грозились разойтись. Для меня это было ужасно. Я боялся разлуки с ними. Да, меня с ними должны были разлучить развод или болезнь. Одно из двух. Это было неизбежно. И в моем детском сердце был страх. Мое детство было омрачено этим страхом разлуки. Опу-стошения. Одиночества.

Там, в клинике Андреа, в то субботнее утро, увидев плачущего ежонка, я сразу почувствовал его страхи и его отчаяние. Потому что сам их испытал.

Глава 3

Минус один грамм

У этого маленького зверька больше никого не было на всем белом свете. Только я мог ему помочь. Я обнаружил, что впервые в жизни разговариваю с ежиком:

– Я не покину тебя, крошка. Не оставлю тебя здесь, в этой коробке на голодную и холодную смерть. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы спасти тебя.

Мне нужно было думать быстро. Во-первых, было жизненно важно его согреть, поэтому я наполнил бутылку теплой водой и положил ее у него за спиной. Затем кинулся к своему ноутбуку. Мне нужна была более конкретная информация. Я абсолютно ничего не знал о ежах, кроме каких-то элементарных вещей. Я начал поиски в интернете и нашел форум о ежах. В контактах был указан номер некой Джулии. Я позвонил ей, но никто не ответил. Один раз, два, три раза. Тишина.

Стало тревожно.

Наконец она ответила. Я обрушил на нее поток слов, одно за другим практически без остановок:

– Джулия, меня зовут Массимо, у меня тут ежонок весом двадцать пять грамм, я нашел его вчера, мы даем ему козье молоко, но у меня впечатление, что оно не помогает, – короткая пауза, чтобы сделать вдох. – Теперь малыш совсем замерз, думаю, его нужно как-то лечить, но я не знаю как, помогите.

Ее нежный голос и спокойный тон, казалось, были созданы только для того, чтобы меня успокоить. Она начала говорить мягко, но четко:

– Что ж, интуиция вас не подводит, козье молоко – не лучший вариант. Оно утоляет жажду, но, увы, недостаточно питательное. Молоко ежихи гораздо более насыщенное, оно богато белком и жиром и почти не содержит сахара. Вам нужно давать ему смесь для щенков. Но не любую. Подходят только две. Ни одна из них не заменит материнское молоко, но они лучше козьего. Возьмите одну из них.

– Где мне их найти?

– Во многих зоомагазинах. Даже в некоторых аптеках.

– Понятно. А как мне его кормить? Инсулиновым шприцем? Из бутылочки?

– Инсулиновый шприц подойдет. Убедитесь, что молоко попадает, куда надо. Ежик может умереть от аспирационной пневмонии. Вы должны кормить его очень медленно. Затем вам надо помассировать область его гениталий, чтобы стимулировать кишечник. Так бы сделала его мама. Вы должны ухаживать за ним так, как это сделала бы она. Но, поскольку вы не еж, – она остановилась на секунду, усмехнувшись, – возьмите мягкую тряпочку или лучше ватный диск, которым снимают макияж. Налейте на него немного масла, оберните вокруг своего пальца и

мягко помассируйте его. Это очень важно. В первые три недели жизни примерно ежики не могут сами опорожнить свой кишечник и мочевого пузырь, и, если им не помочь, у них может возникнуть опасная непроходимость.

Джулия продолжала, пока не сообщила всю основную информацию. Это был единственный раз, когда мы разговаривали. Потом мы общались, хоть и часто, только по электронной почте.

Повесив трубку, я начал искать в интернете зоомагазины, склады и аптеки. Я сделал столько звонков, что сбился со счета, но смесей для щенков, которые рекомендовала Джулия, нигде не было. Некоторые из обзваниваемых даже никогда о них не слышали. Наконец, поставщик из Флоренции сказал мне, что может одну достать, но она придет не раньше среды.

– Никак нельзя доставить ее быстрее? – умолял я.

– Сегодня суббота. Я не могу сделать заказ до утра понедельника. Отправлю ее курьером.

Больше ничем не могу помочь.

Я покорно вздохнул. Оставалось только ждать.

Пока продолжу давать ежику козье молоко, возможно, немного чаще прежнего.

* * *

Я забрал малыша домой. Грета встретила меня с любопытством.

Рассказывая ей всю историю, я взял картонную коробку, застелил дно мягким полотенцем и посадил туда кроху. Но сначала снова его взвесил: все так же 25 грамм. Что ж, по крайней мере, он не потерял вес. Я положил заново наполненную бутылку с теплой водой рядом с ним. И хотел укрыть его одеялом, но Грета возразила: «Нет, это слишком. Он задохнется!» Я послушал ее по большей части, потому что не хотел терять времени. Мне нужно было покормить это создание. Я взял иглу-бабочку, которую обычно используют для капельницы, и отрезал кончик от соединительной части иглы на шприце, оставив сантиметр, так что получилась своего рода крошечная соска. Я убрал иглу, надел на шприц соску и набрал в него молока.

Джулия объяснила мне, как держать ежика во время кормления. Я положил его на стол, прижимая его своей левой рукой так, чтобы его передние лапы были вытянуты, а задние согнуты. «Как собака, лежащая на спине с поднятой головой, чтобы было понятно», – сказала она.

Я осторожно обхватил пальцами его шею, чтобы он не крутил головой. Правой рукой поднес шприц к его рту. Я давал ему молоко каплю за каплей, подстраиваясь под его скорость, максимально осторожно: капля, глоток, еще одна капля. Я не хотел, чтобы оно попало не в то горло, потому что осознавал риск аспирационной пневмонии – это очень серьезное и практически всегда смертельное заболевание. Я толкал поршень шприца, давая ему 0,1 кубического сантиметра за раз. Должно быть, ежику было трудно держать во рту кусочек резины вместо маминого соска. Но мне тоже было непросто. Мои руки привыкли к большим животным и 150-миллилитровым шприцам.

Я кормил его минут двадцать, не меньше. И продолжал ухаживать за ним, неукоснительно следуя указаниям Джулии, пока Грета с изумлением наблюдала. Ее тоже тронул и очаровал необычный и беззащитный маленький зверек.

Затем я вернулся в клинику Андреа, чтобы закончить необходимую работу, периодически заезжая домой проведать ежика. День пролетел как одно мгновение. Мне предстояла необычная ночь: нужно было завести будильник через каждые два-три часа, потому что таких маленьких детенышей нужно кормить часто.

В воскресенье, около восьми часов утра, покормив ежика еще одним шприцем козьего молока, я понял, что не так уж и устал, несмотря на практически бессонную ночь. Может быть, мое желание помочь маленькому существу было так велико, что свело на нет волнение и уста-

лось. Я принял душ и снова побежал разрываться между домом и клиникой Андреа. Первым делом после завтрака я взвесил ежонка: 24 грамма. Его вес упал. На один грамм. Несмотря на все мои усилия.

Я был очень расстроен и почувствовал себя беспомощным. Волнуясь, я начал взвешивать его до и после каждого кормления. Беспокойство нарастало. Я боялся за жизнь ежонка. Предстояла еще одна беспокойная ночь. Только после трех я провалился в глубокий, крепкий сон. В шесть утра, когда зазвонил будильник, мне показалось, что я лишь на секунду сомкнул глаза, хотя прошло почти три часа. И опять: взвесить, дать козье молоко, снова взвесить, помассировать, наполнить теплой водой бутылку. Я хотел вернуться в постель, но был понедельник – нужно было собираться на работу.

* * *

Я специализировался на коровах. Акушерство и гинекология были моим коньком, роды – моей страстью. А в это время года обычно рождалось много телят. Как мне удастся наблюдать за коровой в родах и кормить ежонка каждые три часа? Попросить Грету было нельзя. Она оставалась у меня только на выходных, а потом возвращалась к себе и своей работе. Я заскочил в душ. Потоки струившейся воды окончательно меня разбудили. Я спешно надел первую попавшуюся одежду – что не было для меня характерно! – и выбежал из дома. Даже не удосужился посмотреть в зеркало. Мне позвонил фермер, один из моих клиентов. Произошло то, чего я опасался: тяжелые роды у коровы... очень далеко.

Глава 4

От ежика и обратно

До фермы я доехал очень быстро. Но уже на месте понял, что не смогу сделать свою работу так же быстро. Я не успевал к следующему кормлению ежонка.

Мой клиент был опытным животноводом. Он уже пытался оказать помощь матери и детенышу, но без особого успеха. Теленок находился в тазовом предлежании. И он был крупным. Не очень хорошая и не новая ситуация, но в этот раз она была более драматичной. Теленок застрял. Я ощупал его ноги – холодные. К несчастью, они еще и не двигались. Детеныш мог быть уже мертв. Мне надо было действовать точно и быстро. Адреналин зашкаливал.

Первым делом я попросил немного масла, чтобы смазать родовые пути и облегчить выталкивание теленка. Вместе с фермером при помощи нескольких его рабочих мы связали задние ноги теленка вместе двумя прочными полосками ткани и привязали их к толстой пеньковой веревке. Отчаянно сражаясь со временем, я велел остальным:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.